

различных государств объединиться в крестовом походе против мусульман. Экс-митрополит русский Исидор, кардинал Сабинский, а впоследствии греческий вселенский патриарх, ставленник папы, в особом звании „Universi Christi fidelibus“ одним из первых призывал всех христиан опоясаться мечом в защиту погибающей христианской веры. Папа Николай V (1447—1455), а затем папа Каллист III (1455—1458) весьма усердно, хотя и безуспешно, также проповедывали крестовый поход против турок. В ряду самых ревностных поборников крестового похода против мусульман особенно выделялись кардинал Эней Сильвий Пикколомини и Виссарийон, архиепископ Никейский, кардинал Римской курии и преемник Исидора постановлением папы на троне Константинопольского патриарха. Они использовали всё свое влияние, связи, материальные средства, дипломатическое искусство, речи, воззвания, письма для того, чтобы убедить христианских государей принять участие в крестовом походе. В адрес греков раздавались обвинения в неискреннем отношении к унии, в невежестве, ереси, схизме. Церковным деятелям вторили историки и поэты. Так, например, ярый папист Убертин Пускул из Брешии, побывавший в Византии в плену у турок, написал поэму „Constantinopolis“ в четырех песнях, в которой он дал широко очерченную картину падения Константинополя и характеристику причин этого события. Останавливаясь на вопросе о недостаточной помощи со стороны западных государств Византии в ее борьбе с турками, Пускул в страстных выражениях во всем винит греков, указывая на их лицемерие, недоверчивое отношение к папе и пр.¹

Греки отвечали католикам такой же неприязнью и столь же тяжкими обвинениями. В этом отношении особенно характерен пример Г. Франтцы. Работая над своей „Хроникой“ много лет спустя после падения Византии, он довольно последовательно выдерживает объективный тон письма при описании поступков лиц, так или иначе связанных с этим событием. Но он изменяет себе, когда говорит о том, что католики после победы турок, смеясь, говорили грекам, что еретики и не заслуживают лучшей участи. У Франтцы вырываются негодующие слова: „А как будто вы уцелели от того, что вы православны? вы забыли, что не всегда православны те, которые господствуют, и не всегда те еретики, которые поработены; а тому доказательством служим мы, греки“.²

Но как изображены „фряги“ автором „Истории“? Одни, те, которые жили в Константинополе или приехали в него для того, чтобы поступить в войска императора, представлены у него героями; другие же — врагами греков. Он упоминает о двукратной посылке греческих послов с просьбой о помощи и „в Амморею, и во все острова и в Фрязех“. Но посылки эти оказались безуспешными. „Цесарь же Костянтин, — пишет он, — посылаше по морю и по суку, в Аморею к братии своей, и в Венецею и в Зиновию о помощи, и братия его не успеха, понеже распря велия бе между ими, и с Арбанаши ратовахуса, и фрягови не восхотеша помощи, но глаголаху в себе: не дейте, но да возмут ѝ Туркы, а у них мы возмем Царьград“ (11).

Мысль, приписанная здесь „фрягам“, с исключительной яркостью выражает собой направление, характеризовавшее политику католического Запада в отношении Византии, изнемогавшей под натиском

¹ П. Д. Погодин. Обзор источников по истории осады и взятия Византии турками в 1453 году. ЖМНП, 1889, т. VIII, стр. 227—242.

² М. Стасюлевич, ук. соч., стр. 70.